

Волкова З.Ф.

(научный сотрудник музея-заповедника "Красная Горка")

ОДИН ГОД ИЗ ЖИЗНИ КЕМРУДНИКА

Музей-заповедник "Красная горка" расположен на территории Кемеровского рудника. Поэтому история этого старейшего в городе предприятия является главной темой исследовательской и экспозиционной работы сотрудников музея. Две наиболее значительные и интересные страницы этой истории, связанные с деятельностью организаций АО Копикуз (1912-1920 гг.) и АИК "Кузбасс" (1921-1927 гг.), достаточно хорошо изучены учеными Кемерова и здесь для музея проблемой является только поиск экспонатов по этим темам. Но белым пятном для нас был краткий период в истории Кемрудника между национализацией предприятий Копикуза и началом деятельности на этой территории АИК "Кузбасс". Конечно, общее представление о том, что могло происходить на руднике после гражданской войны в условиях экономическо разрухи, у нас было, да и период этот скорее всего не был судьбоносным в истории Кемрудника. Но существовало опасение, что вопрос какого-нибудь въедливого посетителя, которые часто встречаются в музеях, мог поставить нас в тупик. Поэтому в очередной раз пришлось обратиться в архив.

Изучение архивных материалов только непосвященному кажется скучным и пыльным занятием. Оно скорее сродни археологическим раскопкам, когда долгая и кропотливая работа иногда награждается неожиданными находками. Бывает, что среди массы действительно скучных дел встречаются документы настолько живые и образные, что они дают почти кинематографическое видение событий, их участников,

характерных примет времени. Именно такого рода документы, освещавшие жизнь на Кемруднике в 1921-1922 гг., оказались в одном из просмотренных мной дел.

Почти все оно состоит из приказов Управляющего Северной группой рудников Ангевича. В Северную группу (подразделение созданного 12/1-1920 г. объединения "Сибуголь") входили рудники: Кемеровский, Мазуровский, "25 Октября", Ишановский, Крапивинский, Алтайский. Казалось бы, что может быть скучнее приказов, но содержащаяся в них информация, сам стиль этих документов, удивительно ярко отразили то бурное переходное время, как бы приблизили события 80-летней давности.

Приказы касались различных сторон жизни рудников. Но наибольшее впечатление оставляют те из них, которые относятся к участию шахтеров в оказании помощи голодающему Поволжью. Конец 1921 г. на Кемруднике - это время сплошных ударников (так называлась ударная сверхурочная работа) в пользу голодающих: 27 и 30 ноября, 17, 25 декабря 1921 г. В ответ на требования Начсибугля Абрамова, грозящего за невыполнение отгрузки угля Ревтрибуналом, как за невыполнение боевого задания, издает приказ 17/Х11-1921 г. Ангевич: *"... Республика для спасения трудящихся принимает самые активные меры. Необходимо во чтобы то ни стало улучшить транспорт, а для этого нужен прежде всего УГОЛЬ. Этим вызван боевой приказ Начсибугля о поднятии добычи угля. От Кемерово и Мазурово вместе требуется отправка Республике 23 вагонов угля. Цифра тяжелая, но выполнимая... приказываю в боевом порядке... к 25 сего декабря закончить механизацию переброски угля Владимирской штольни на погрузочный пункт. Временно установить в 3-х дневный срок гужевой транспорт для этой цели. ...В 3-х дневный срок организовать гужевой способ перевозки угля с Ишановки на Мазурово..."* [1]

В начале следующего года, 25/1-1922 г. Ангевич отдает приказ № 11 по Северной группе рудников: *" 1. Республика переживает критическое положение, голодная стихия навевала кошмар смерти на житницу России - Поволжье. На призыв помочь голодающим - Сибирь откликнулась и собрала миллионы пудов продовольствия. Нужно их перевезти в Поволжье. Наш транспорт не может этого исполнить из-за отсутствия топлива. Если мы не снабдим углем в достаточной степени железную дорогу, миллионы рабочих и крестьян Поволжья погибнут от голоду. Наш долг, наша обязанность напрячь все силы,*

приложить все старания, чтобы добыть как можно больше угля. Безграничная ответственность, которая легла на вас, горняков, в этот нечеловечно трудный момент, должна быть оправдана. Призываю Вас, рабочие, служащие и технический персонал Северной группы к дружной усиленной работе. В эти дни, когда голодные матери собственных детей варят и едят, когда голодные толпы, в поисках пищи, вырывают с кладбищенских могил трупы, в эти дни мы не должны говорить и думать об упряжках и отдыхе. Единственное старание - усиленная работа и ее результаты. БОЛЬШЕ УГЛЯ. УГЛЯ БОЛЬШЕ." [2]. В пользу голодающих перечислялись и все штрафы, которые накладывал Ангевич на сотрудников: "Телефонистку п/б Чарухину за халатное отношение к своим обязанностям штрафую на 2 упряжки всех видов довольствия - в пользу голодающих". [3] (Заработок в то время на рудниках состоял из 2х частей : денежной и продовольственной).

Когда мы вспоминаем о 1920-х годах, то вместе с голодом сразу возникает еще одна примета, характеризующая то время - различные эпидемии. Эта опасность нависала и над Кемрудником. В связи с этим Ангевич 16/У-1922 г. отдает приказ по Северной группе рудников: "*...в некоторых местностях Сибири замечены случаи холерных заболеваний. Явление крайне грозное и действия этой болезни опустошительны, а в особенности в рабочих колониях. Дабы предупредить появление этого ужасного по своим последствиям бедствия, требуется прежде всего особое наблюдение за чистотой, как жилых помещений, так и надворных построек... Ввиду изложенного Управление группы на заседании своем 15/У-1922 г. выделило особую Санитарную Тройку, состоящую из представителей от Санчасти Северн. района - фельдшера Попова И.Н.; от Хозоргана Соенко Д.А. и от охраны труда - Заплаткина И.И. На обязанности перечисленных лиц лежит наблюдение за чистотой рабочих колоний. Законные действия и распоряжения Сантройки обязательны для всего населения рудников." [4]. С 3/У1-1922 г. на шахтах начались обязательные прививки всем рабочим, служащим и их семьям. В приказах сообщалось, что отметки о прививке будут делаться в рабочих книжках, а уклонившимся от прививок грозил 3-х дневный штраф и увольнение с рудника.*

Несмотря на тяжелейшие условия, жизнь шла своим чередом. Из приказов следует, что даже в это время, праздники не отменялись, более того, праздничные дни объявлялись нерабочими, приказами регламентировалась их продолжительность и работа руководителей в эти дни. Рождество и Пасху отмечали в течение 3х дней и Райком В.С.Г. выдавал работникам группы к Рождеству табак и папиросы. Один день отводился для празднования Масленицы и Духова дня. Из приказа Ангевича, касающегося праздничных дней: *" За последнее время наблюдается появление пьяных в публичных местах и на улицах. Предлагаю нач. милиции т. Машковскому принять все меры к устранению этого зла"*. [5].

В приказах отражены и проводимые в это время различные реорганизации: с 1/Х11-1921 г. хлебопекарня Кемеровского рудника передается в аренду кооперативу; при отделе Снабжения в феврале 1922 г. формируется Сельскохозяйственный подотдел; с 1/У-1922 г. вся угольная промышленность России переведена на хозяйственный расчет, т.е. на самоснабжение. Видимо, в связи с этим, с 1/1У-1922 г. упраздняются шахткомы, месткомы и цехкомы *"... (всем товарищам, состоящим в перечисленных организациях, приступить с 25/111-1922 г. к исполнению обязанностей, исполняемых ими до избрания в шахткомы-месткомы)"*. [6]. В приказе № 81 от 11/У11-1922 г. говорится о том, что с 15/У11 по 1/Х11-1922 г. вводятся 2-хнедельные отпуска постоянным рабочим и служащим группы.

Вместо Наробраза в марте 1922 г. создается Школьный отдел при Управлении группы. В мае 1922 г. в ведение Культотдела Райкома В.С.Г. передаются: приют на Алтайских коях, ясли Химзавода, Нардом Кемерудника, библиотеки Нардомов Кемерудника и Химзавода.

В помещении Нардома Кемерудника проводятся заседания комиссии Фабзауча, проверяющей знания подростков, работающих на руднике.

Обращают на себя внимание сами формулировки приказов. Мы привыкли к их обезличенным текстам: "уволить", "объявить благодарность" и пр. Все приказы Ангевича сформулированы от первого лица и содержат обоснование решения: *"6/У1-1922 г. мною были устроены неожиданные ложные пожарные тревоги... (далее следует анализ действий 2-х пожарных команд и вывод) Приказываю завснабом выдать пожарной команде Рудника премию, а команде Химзавода объявляю строгий выговор"*

с предупреждением..." [7]; "Управляющего Мазуровским рудником Найзера арестую на 3 суток за халатное отношение к своим обязанностям ..." [8]; "Мною замечено, что в пределах колонии Кемеровского рудника самолично производится порубка и порча деревьев, что считаю преступлением и замеченных в этом буду рассчитывать и предавать суду". [9] ; "Мною замечено, что вся дорога в колонии Центральной шахты изрыта канавами для орошения огородов. Приказываю всем рабочим и служащим, пользующимся этими канавами немедленно приступить к постройке мостков через канавы". [10].

С удивлением я обнаружила, что оказывается, термин КОЛОНИЯ не был привнесен сюда Автономной индустриальной колонией "Кузбасс", а употреблялся здесь еще до ее основания для обозначения локальной территории компактного проживания людей (колония Кемрудника, колония шахты Центральной).

Неожиданностью оказалась и информация о том, что в то время тоже пользовались "летним временем", т.е. весной переводили стрелки часов вперед. " С субботы 11 на воскресенье 12/111-1922 г. в 12 ч. ночи перевести стрелку на 1 час вперед.", " С 14 на 15/1У-1922 г. в 12 ч.ночи - перевести часовую стрелку на 1 час вперед". [11]. Увеличивать продолжительность светлого времени больше, чем на один час, видимо, заставляло отсутствие электричества.

После просмотра приказов, бросилось в глаза полное игнорирование в них факта создания в конце 1921 г. АИК "Кузбасс" на территории Кемеровского района. Ни в одном приказе нет даже упоминаний об этом, хотя Ангевич имел самое прямое отношение к ее организации. Еще в январе 1922 г. в Кемерово приехала группа иностранных рабочих для подготовки жилья к приезду колонистов. 30 дней провели они в товарных вагонах, потому что Управляющий Северной группой рудников Ангевич "не желал иметь дело с американцами". Президиум Кемеровского райкома партии осудил поведение Ангевича и объявил ему выговор.

25/У-1922 г. 1-я партия колонистов прибыла в Кемерово и они неоднократно жаловались на противодействие Ангевича их работе. Создается впечатление, что жизнь Кемрудника шла как бы

параллельно, создаваемой на его территории иностранной колонии. Косвенным признанием неизбежности передачи рудников АИКу могут служить только несколько приказов Ангевича: запрещение в мае 1922 г. принимать новых служащих и рабочих на рудники Северной группы и приказ о перерегистрации 25/У1-1922 г. всех рабочих и служащих Кемрудника для выявления лиц, не имеющих права жительства в казенных квартирах. Видимо, жилье необходимо было прибывавшим колонистам. И только последний в этом деле приказ № 36 от 27/У11-1922 г. имел самое непосредственное отношение к созданию на территории Кемрудника АИК "Кузбасс": *"Согласно приказа СТО учреждается Совет Трех в составе Управляющего Северной группой рудников, представителя Американской колонии и представителя Сибугля. Права и обязанности Совета Трех изложены в цитируемой инструкции."* (далее изложен текст инструкции).[12]. Только в начале 1923 г. произошла фактическая передача Кемрудника АИКу и до 1927 г. на территории рудника действовала иностранная колония.

Документы этого дела еще раз подтверждают известный в истории АИК факт сопротивления бывших сотрудников Копикуза созданию в Кемерово иностранной колонии и вносят дополнительный штрих в характеристику одного из участников того противостояния. Фамилия Ангевич мне встречалась в материалах АИК еще до знакомства с его приказами. В них Ангевич был участником целой детективной истории, связанной с чертежами КХЗ. Одной из главных задач АИК была достройка, незаконченного Копикузом, коксохимзавода в Кемерово. В 1924 г. руководитель АИК "Кузбасс" С. Рутгерс направил заявление об обстоятельствах исчезновения планов сооружения химического завода в комиссию СТО СССР, обследующую предприятия АИК. Из него следовало, что бывший директор химзавода И. Лоханский вместе с Ангевичем скрыли от АИК при передаче завода планы и проекты химзавода, из-за чего АИК пришлось затратить много средств и усилий на самостоятельное составление чертежей. *" В апреле месяце к нашему представителю в Новониколаевске тов. Лосьеву явился бывший управляющий Кемеровским районом и бывший управляющий делами Кузбасстреста Ангевич, который заявил ему, что инженер Лоханский при отъезде из Кемерово передал ему на сохранение пачку бумаг. Эта пачка бумаг находится у Ангевича больше года, так как Лоханский, уехав на юг России, не требовал ее. Теперь (в апреле месяце)*

Ангевич, при переезде из одной квартиры в другую, распечатал эти бумаги и обнаружил там планы химзавода. Ангевич просил у т. Лосьева разрешения вернуть их, так как "совесть не позволяла ему больше хранить их у себя". Тов. Лосьев, конечно, планы эти (свыше 100 штук) принял." [13]. Вполне вероятно, что, хотя бы часть этих чертежей, сейчас находится в музее в составе недавно поступившего в фонды большого количества подлинных чертежей Копикуза.

Из трех персонажей той давней истории только личность Ангевича была нам практически неизвестной. Знакомство с приказами Ангевича, а значит, в какой-то степени и с самим Ангевичем, как бы высветило из небытия личность этого человека, сделало ее более объемной. И теперь перед нами не просто противник создания иностранной колонии, но и человек, очень неравнодушный, ответственный, который, наверное, просто предполагал какой-то иной путь развития Кемрудника. Дальнейшие поиски, возможно, уточнят его взгляды и его дальнейшую судьбу. Во всяком случае, наша коллекция исторических личностей, оставивших свой след в истории Кемерово, пополнилась еще одним персонажем.

Работа над этой статьей вызвала чувство причастности к тем давним событиям, что видимо связано со спецификой музейного восприятия истории, особенно, если работаешь в музее-заповеднике. В доме, где расположен наш музей, жил С. Рутгерс, вполне возможно, что до него здесь жил и Ангевич, поскольку дом был построен для управляющего Кемрудником. Передо мной на столе лежат чертежи Копикуза по которым строился КХЗ. Среди них: чертежи с текстами на французском языке, купленные у бельгийской фирмы Оливье Пьетт, чертежи со штампами Копикуза, пометками и автографами его специалистов, чертежи дома Лоханского (дом был построен на территории современного городского сада), и почти на каждом втором чертеже стоит подпись Главного инженера И. Лоханского. Появляется ощущение связи с этими людьми и начинаешь осознавать себя звеном в цепи событий и судеб, составивших историю нашего города. И ты лишь связующая нить, призванная передать чувство единства новому поколению, твоя роль - не дать прерваться этой цепочке.

1. ГАКО, ф. р-112, оп.1, д.2, л.18.
2. Там же, л.37.
3. Там же, л.73.
4. Там же, л.98.
5. Там же, л.94.
6. Там же, л.64.
7. Там же, л.91.
8. Там же, л.60.
9. Там же, л.58.
10. Там же, л.85.
11. Там же, лл. 58,70.
12. Там же, л.113.
13. "Исторический архив" № 3, май-июнь 1961 г. С.151.

Балибаловские чтения: материалы Второй научно-практической конференции. Кемерово, 2001. С. 45